



ТАМ СЕРДЦЕ

Когда идешь по воде на моторке с час или чуть больше, то река кажется бесконечно длинной. Когда движение по одной и той же реке продолжается часов десять, фактически целый световой день, то ощущение реальности пропадает: кажется, будто все возможное пространство занято одной только этой рекой, сверкающей радужным, серебристо-лиловым хариусным боком.

СЛИВАЕТСЯ С НОРОЙ...



И. М. Черемкин.

Нора! В переводе с эвенкийского «хариус». И впрямь: вода чиста и переливчата, берега, словно в калейдоскопе меняются, небо васильковое. А яростное северное солнце за один день поджарило наши «тепличные» городские физиономии, которые не замедлили уже к утру следующего дня покрыться ужасающими пузырями. Впрочем, на такие мелочи особенно обращать внимание было некогда. Да и некому: народ в нашей довольно пестрой (двенадцать человек) компании все больше деликатный подобрался, да и бывалый. Ну а раз никому дела нет до наших шулушащихся помидорно-красных носов и щек, то и нам с Анютой (Анна Галкина - тонюсенькое создание, юная журналистка из «Самовара», нам с нею по заданию эко-пресс-клуба «Кедр» предстояло живое общение с последующим на-гора в виде публикаций о Норском заповеднике. И чтоб интересно...) не резон в зеркале пялиться, когда кругом столько всего - в общем, рай воплощенный, да и дел на Меуне хватает всем. И всяких. Меун - так называется один из дальних кордонов Норского природного заповедника в Селемджинском районе. Находится кордон на берегу Норы, там, где в нее впадает бойкая и чистая северная речка Меун. Теперь уже не столь важно, кому первому пришла идея лет пять тому назад обустроить здесь базовый исследовательский лагерь для студентов естественно-географического (так он именовался раньше) факультета старейшего вуза

Благовещенска - ныне педуниверситета. Идея оказалась жизненной, не исчезла и не растеклась в виде официальных бумажек по чиновничьим кабинетам. В этом обоюдная заслуга и руководства факультета (в том числе - немалая - Ивана Михайловича Черемкина, заведующего кафедрой зоологии), и руководства Норского заповедника в лице Виктора Алексеевича Короткого, лично встретившего нас в Норске, чтоб потолковать накоротке (дела ждали в Февральске, где управление заповедника, собственно, и находится) в радушном большом доме инспектора Сергея Сенчишина, который по праву будет основным действующим лицом и главным героем сего повествования.

Виктор Алексеевич Короткий - мужик основательный, несуетливый, не без того, что называют «себе на уме». И трудно с этим не согласиться: газетки придут и уедут, а ему продолжать работать. Опять же, пресса тоже разная бывает: и наврут - недорого возьмут. Да и газеты уже про Норский заповедник кое-что писали, неплохо бы телевизионщикам приехать с камерой, с путевым оператором. Картинок-то - на каждом квадратном метре, красота ж какая - есть что людям показать. И правда, есть! И что, и кого. Директор слегка, скорей по привычке, пожалился на повсеместные и заповедные не обошедшие финансовые трудности. Люди есть, и хорошие люди, преданные, но зарплата просто смешная: на булавки...
-Вот у нас ученый из Москвы работает, герпетолог Николай Николаевич Колобаев. Так он на одной преданности любимому делу (изучает змей) только и держится. Семья в Февральске, а мама - в Москве... Поехать проведать пожилого человека не может. Удивляюсь, как не сбегит... - Виктор Алексеевич продолжает. - Но мы ж не жалуемся, перебиваемся... А что толку - жаловаться на свою судьбу, работать-то все равно надо. Сами, что можем, делаем, гранты грантами, польза от них есть, конечно, но главное же - от государства должно быть материальное обеспечение, мы же дело государево делаем, землю красивой сохраняем. Это понимать надо! Без науки заповеднику нельзя. Вот с педуниверситетом договор у нас, сотрудничество полезное. Студенты ведь тоже разные бывают, есть и такие, из которых вырастают настоящие ученые, исследователи, опять же - их просвещенческая миссия нам важна. Ну и прямая помощь: парни помогают кордоны обустроить, вон спросите Сенчишина, он расскажет, чему пацаны вчерашние обучились. Им польза. И все-таки, знаете (это уже нам с Аней), заповедники - для человечества, и вообще...

-В. Короткий опасно обходит слова «высокого штиля», сдержанность, как я заметила, особенно свойственна северянам, и здесь, в таежных краях, можно еще встретить экологически чистые человеческие души. Чаше, чем в других, сильно попорченных цивилизацией местах.

Итак, переждав в Норске непогожий денек, после завтрака, спроворенно хлопотуньей Ниной Федоровной Сенчишиной, скрупулезно, под чутким надзором и немногословным руководством Сергея Прокопьевича Сенчишина и Ивана Михайловича Черемкина ребята споро и разумно распределили груз

(от наших с Аней «смешных» рюкзаков до объемистой надувной лодки «Орион») по двум длиннющим плосковатым моторкам. Груза было много. Казалось, в лодках уже ничего не поместится «ни в жисть», не говоря уж о размещении в них двенадцати путешественников. Казалось нам это напрасно. На самом деле - расселись, тоже строго по команде Прокопья: кому куда и как. Дорога, в смысле сплав, будет долгой, гарцевать в лодке не предусмотрено, посему - девчонки, мол, устраивайтесь поудобнее без стеснения, здесь мелочей нет, десять часов абы как не просидишь, болеть нам некогда, да и незачем. Надо сказать, мы с Анютой изначально выбрали правильную линию поведения. Единственно правильную: подчиняться бывалым и не лезть с интеллигентскими ужимками поперед батьки. То бишь, Прокопья. Ему и Черемкин подчиняется, если что, и студенты, и девушки - сотрудницы АмурКНИИ, недавние выпускницы все того же факультета. Нам сам Бог велел...

Надо сказать, что полезность единовремения в таежных условиях неоспорима. Подтверждений тому была масса. С первых шагов нашего пребывания на базовом кордоне Меун (а добрались мы туда уже в сумеречный час, почти ночью) все это было очевидно: словно сам по себе явился костер, ведра с водой для чая и ужина над костром скоро забулькотили, палатки неподалеку от зимовья установлены, на первую ночевку все распределены. Ребята «летали», словно птички, растаскивая груз под навес, в зимовье, в палатки. Лишних слов и движений не наблюдалось, несмотря на то, что так естественно была усталость - это молодцам-то с их резвостью добрых десять часов без движения просидеть!

Встретивший нас на галечнике местный сторож-берендей в сопровождении звонких собачьих подростков Володя Чупров (свое отчество он тщательно хранит в тайне. От всех.) только успевал начинать свое медленное: «Да-а э-это...» в ответ на спрос Сенчишина насчет рыбы, грибов, ягод, гостей - и четвероногих, и других... Мимо Володи, не задевая, проворно шныряли ребята, собаки, девчата. Вопросы Прокопья задавал «по ходу жизни», успевая одновременно направлять засидевшихся в лодках и радостно ощущавших себя в движении ребят:

-Продукты под навес. Посуду - к столу, ужинать еще...

-Палатки ставьте вон там, обдувает, если комарье...

-Девчонкам, девчонкам помогайте, им еще ужин готовить.

-Остальное - в зимовье пока. Разберем завтра. (А это уже нам - «девчатам»). Завтра, девчата, спите до упора.

-Дядя Сергей, а дядя Сергей! Упор у каждого свой, - это тезка, пятикурсник Сережа Неваленный. Весело ему! Еще бы, ведь здесь и он, и друг Ваня Выбрановский в своей стихии. Можно и пошутить. Тем более, что «дядя Сергей» и сам до шутки большой охотник. Но старшему наперерез - слова не успел вставить - Ванюшка тут как тут:

-Ага, до упора... Сколько знаю, всегда так договариваемся (едва сдерживает здоровый смех). А вот как по утрачке Иван Михальч начнет посудой греметь, тут мы и выпьемся. Это как водится. Это поспим...

Иван Михальч на подначки не сердается, а Прокопья поддерживает:

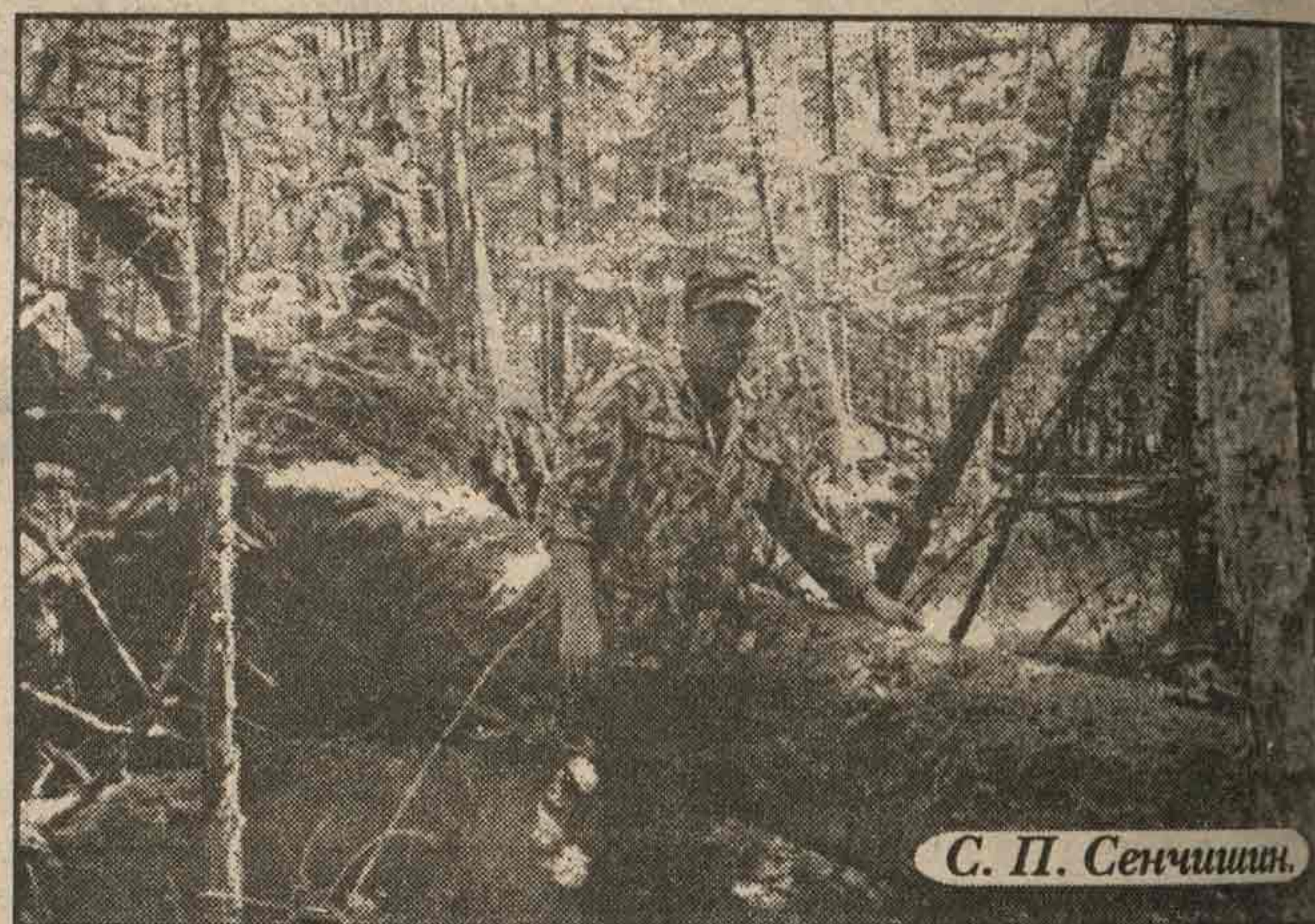
-Завтра спим, кто сколько сможет. Потом потихоньку обустроимся, а ве-

чером баню натопим. Все как обычно.

Сергей Неваленный и Иван Выбрановский уже который год вместе занимаются ихтиофауной Норского заповедника, с первого курса приезжают на Меун. Оба чувствуют себя бывалыми, но не задирают нос, а во всем норвяют быть, как дядя Сергей: ружья в чехлах, ножи чисто по-таежному - всегда на поясе, а на шее тоненькие ситцевые платочки - от гнуса..., стиранные - перестиранные, истончившиеся, но с ними связаны их первое таежные опыты, трудности, первый рабочий пот ими утирали. Здесь мелочей нет. И дружба ценят, и друзей помнят: то и дело звучат имена ребят, по каким-либо причинам не приехавших в этот раз.

Сладился ужин, само собой нашлось все нужное к этому часу: посуда, полотенце, зубная щетка. По ходу для себя отмечаю простую истину: не так уж много человеку в жизни надо, в смысле барахла. Зачем только мы столь озабочены его приобретением, а некоторые даже вещизмом заболевают. Когда столько интересного в жизни есть помимо...

Вот сидят на затеряншемся во вселенной крохотном таежном кордоне люди. Разные. На лицах ребят и девушек - причудливые блики от костра, блестящие отсветы свечек. Лица ясные, глаза яркие - свет волшебным преображает их. Почему та-



С. П. Сенчишин.

кие лица редки в городе? Кстати, эта взаимосвязь города и человека, тайги и человека не однажды в разных вариантах затрагивалась в наших откровениях здесь, на Меуне, благо, к задушевности располагает все: чистый воздух, успокаивающий раздерганные городской толкотней нервы зеленый ландшафт, живое бульканье реки по перекатам, слегка дымящийся костерок. А если еще и собеседник по большому везению окажется с редким даром рассказчика, то общение получается славное. У бывшего таежника Сергея Прокопьевича Сенчишина историй всяких - воз и малая тележка. Что про зверей, что про тайгу, что про людей. И что совсем ценно: не надо эти бывальщины из него клещами тянуть. К слову, к случаю, к ситуации они возникают сами, и щедро этот спокойный, работающий, по-мужски уверенный и открытый (не простоватый, нет!) человек делится простотым с мальчишками, не назидая, не воспитывая, но и ничего не скрывая. Сам разберешься. Принцип «смотри, берись и делай, как я работаю безотказно. Здесь, в тайге, никакой службы быта нет. Все надо делать самому. Для себя и для собаки, например. Приходилось и обучать, и лечить четвероногого друга, вплоть до хирургического вмешательства (это когда медведь добром промысловому псу живот разодрал, зашивать пришлось обычной иглой с обычной ниткой. И пес выздоровел). Все в тайге пригодится, любое умение и знание. Тогда и тайга не будет врагом, тогда и сыт будешь, и добычей всегда. А дашь слабинку, зазеваешься ли, понадеешься на авось - не взъищи, сам виноват.

(Продолжение на 12-й стр.)



Нора в шоле мелкая.



С. П. Сенчишин и Н. Н. Колобаев.

ТАМ СЕРДЦЕ

(Окончание. Начало на 6-й стр.)

Приходилось Сенчишину и с потапычами в тайге сталкиваться и на почтительном расстоянии, и носом к носу. Потапычи - народ серьезный, непредсказуемый, что у него на уме - поди разбери, никто опять же не знает, с какой он лапы утром поднялся, в хорошем ли он расположении, в раздраженном ли... Никогда не угадаешь, да и не надо: лучше в переговорах не вступать без особой надобности. Это в сказках медведь - увалень добродушный. А в жизни глупо ждать от него что-нибудь хорошее. Неправильно. Бывает, конечно, безвыходное дело: приходилось и Сергею Прокопьевичу убивать медведя, на его счету таких случаев три. Не нарочно. Да тут никак не спориться было, так складывалось...

А вот на строительстве зимовья - уже здесь - сохатый пришел. Все опешили, ребята присели, боялись спугнуть.

-Ну что, дурень? Обмишулился ты, брат, как самый распоследний дешевый фраер, стоишь - уши развесил... - Сенчишин с лосем, как с человеком толковал, по-свойски. Тот постоял, понял, что ничто ему не угрожает, и - в чашу дунул. Мальчишки радостно об этом говорят, от собственного великодушия их распирает - вот ведь могли же и стрелнуть, а нет, мы же охранять призваны, защищать. Это он, лось-то, только и делов, что большущий. Человека с ружьем ему не осилить.

Человек должен это понимать. И ценить в себе умение быть великодушным.

...А еще любопытно, как инспектор Сенчишин о взаимоотношениях своих с филином-рыбаком повествует. В лицах. Филин рыбный - птица не мелкая, в размахе крыльев до двух метров, здесь, на севере, по всему обитать не должен (ареал гораздо южнее заканчивается). А на Меуне живет такой. Мало того, что и Прокопыч, и Володя с ним перекликаться научились, так еще и добычей филин с мужиками по зимнему време-

ни делится. Как? Рыбу он ловит не хуже рыбака - промысловика, да еще и немелкую. Поймает, бросит на лед, голову склует, а замерзшую тушку оставит, мерзлую рыбу, видно, не уважает - свежей сыт. А промысловики с путика возвращаются в зимовье - им тут неподалеку от кордона рыбака свежемороженая: угощайтесь, мол, мужики, мы филины - народ не жадный.

-А нам что, соберем филинов улов, самим не надо переживать, а к столу всегда рыбка свежая есть. Филин этот нам давнишний приятель, - с некоторой даже нежностью в голосе резюмирует Прокопыч. - Тут приятелей подобно много. Вон там, за зимовьем, невдалеке Мишка живет, а в воде, в Норе, выдры по ледоставу барахтаются. Своя жизнь у всех. Наше дело - наблюдать и охранять.

...Работников заповедника, коими по большей части являются опытные таежники и «университетские» (студенты и преподаватели) связывает не просто деловое партнерство. Теперь это уже крепкая дружба, проверенная временем и трудностями. Ребята - естественники (биологи, зоологи, географы, ботаники) приезжают на Меун для прохождения учебной полевой практики: изучают флору и фауну этого красивейшего природного уголка Амурской области. Некоторые впоследствии посвящают себя науке, как, скажем, аспирантка Татьяна Близнюк и стажер-исследователь Елена Димитрук. Обе они по окончании БГПУ работают в Амур-

КНИИ. Таня занимается изучением флоры Норского заповедника, Елена - отдельными видами фауны. Девушки по-разному, с проблемами и переменным успехом идут по пути в науку, делают первые шаги, поддерживая друг дружку, помогая в преодолении разного рода препятствий. Дух товарищества вообще доминирует в университетской команде: чувство локтя, ощущение дружеского плеча и сильная воля умного руководителя - как нам порой этого не достает в обыденной жизни... Сегодня по этим людям видно, сколь полезно и перспективно содружество заповедника и университета. А педагогика... Иван Михайлович Черемкин кивает в сторону Прокопыча: мол, педагогика тут самого что ни на есть крутого замеса, практическая и жизненная «сенчишинская» система. Мужиков, не хлюпиков, воспитывает по полной программе, в которой предусмотрено все, начиная от умения добыть огонь и зверя до искусства подарить цветы женщине. Без сиюминутности и скидок на возраст: мужик должен быть надежным, самостоятельным, ценить и уважать природу, красоту, женщину.

-Не случайно слова эти одного

впрямь, как весенняя синица. И знай себе поет, что бы ни делала, куда бы ни шла - поет. От Нины Федоровны мы узнали, что Прокопыч еще и стихами «балуется».

-Да он к пятилетию заповедника гимн сочинил. А сын старший срочной десантником служит) мелодию на гитаре подобрал. Я записала, слушаю, когда никого дома, все раздается... - Нина Федоровна без стыда и стеснения запела немудрую песню о родном крае, о сосульках, сохатом, о цветах и деревьях, о том, как все это красиво и дорого сердцу. А Прокопыч с извиняюще-застенчивыми нотками в голосе вдруг стал объяснять, что вот, мол, по тайге один бредешь-бредешь, думаешь себя а строчки - возьми да и сложишь, срифмуются сами. Слова откуда берутся...

Удивительное дело: эти двое, Сергей Прокопьевич и Нина Федоровна, иначе как одним целым не воспринимаются. А ведь они по большей части находятся врозь: она - на берегу, в Норске, а он - на реке в тайге. Ждет она своего бродягу счастливого взгляда при встрече скрывает, и все новости поселка разом выкладывает: смешные, тра-

СЛИВАЕТСЯ С НОРОЙ...

рода, женского.

От них все трепетное исходит, не грубое... - будто невзначай проронит Прокопыч, наблюдая сам и обращая внимание парней на то, с каким изяществом двигаются девушки у костра, накрывают обед и даже моют посуду. Мальчишки все эти сентименты воспринимают без иронии, они знают: дядя Сергей зря не скажет, надо на ус мотать - сгодится. Как, бесспорно, сгодится сноровка охотничья да рыбацкая, да и умение зимовье соорудить от первого до последнего венца, баньку натопить, пихтовые венчики заготовить и дрова впрок. Кстати, сыновья Ивана Михайловича Черемкина (Коля - школьник еще, а Миша студент-медик) сенчишинскую науку осваивают быстро и успешно, им все же не впервой, с отцом-зоологом на природе воспитались, люди из них получаются стоящие. Труднее новичку. Но уж это от него зависит. Вот, например, Семка Маликов (они с Колей Черемкиным одногодки) приехал сюда впервые, но как-то легко «въехал» в команду. Личные качества, взаимная доброжелательность ребят и стремление сделать свой весомый вклад в общее дело помогли стать равными и «бывалым», и новенькому. Лишь бы не отлынивал, не норовил прокатиться за счет других. Это важно, остальному научат, только схватывай. Прокопыч - он тут и мамка, и папка, и толковый наставник, и старший друг. Своих сыновей - а их у Сенчишина двое - воспитывает все по той же системе. Дом Сергея Прокопьевича и Нины Федоровны в Норске большой, гостеприимный, хлебосольный. Огород, теплица, корова, овцы, куры, пчелы - хозяйство в отсутствие мужа все на ней, на верной хлопотунье и доброй хозяйке. Все успевает, еще и работает библиотекарем. В одном Прокопыч на супружницу обижается: сколько зовет ее в тайгу, на кордон, она ни за какие коврижки не едет, наотрез отказывается.

-Что я там забыла? Да ну, мало, что он там пропадает, меня еще не хватало? Нет, нет и нет! Не поеду, - обещаю звонкой птахой Нина Федоровна. Ростиком маленькая, вся такая в меру кругленькая, глаза синющие, в них - чертики веселые. Рядом с основательным, коренастым и ширококостным Прокопьевичем она и

ные - событий в Норске тоже бывало немало, а если учесть, что с Меуном нет никакой связи, кроме реки и торки, ни радио, ни телевизоров, и выходит, что жена Прокопыча первая и сообщает. Свои СМИ...

Уезжать из Норска, прощайтесь (мы надеемся, что новые встречи впереди, все так...) с этими людьми, ставшими совсем родными за последние десять дней, было что-то печально. Правда, так бывает, и нередки новые люди, всякий раз оставляющая часть души, кусочек сердца с ними. Это издержки любой творческой профессии, а уж литературной - точно. И все же, этот раз был чем-то особенной, а вот чем, я все пыталась себе объяснить и там, в Норске, и по дороге в Благовещенск, и еще раньше - на Меуне. Объяснение некоторое пришлось позже, когда я по причине патологически - маниакальной дотошности своей сунулась в словарь, чтобы получить «официальные» сведения о некоторых географических объектах. В словаре Н.К. Шульманнашла информацию о поселке Норске, о речке Норе, о заповедных местах левобережья этой удивительной таежной красавицы, и - о Меуне. В словарной статье скуповато охарактеризованном левом притоке Норы с краткими параметрами и вот что главное-то! - в переводе с эвенкийского «меун» («мевон») означает «сердце». Если следовать научным утверждениям о материальности слова, о влиянии слова на многое в человеческой жизни, то все становится понятно: никогда не будет покойному, кто побывал на Меуне. Будет стучать это Сердце и звать к себе - где бы мы ни находились. Так зовет оно Прокопыча, Ивана Михайловича Черемкина, Сергея и Ванюшу Черемкина, Лену с Татьяной, Семку, Колю, Мишу, Николая Николаевича Колобаева... Так зовет оно теперь и нас беспокойно и настойчиво.

Н. ДЯКОВА



И. М. Черемкин с молодыми учеными Таней и Леной.



Вот она пихта!

